

Вступление

*Р*одители, как они до сих пор утверждают, всегда сильно меня любили. И именно поэтому решили, что врачом я должна быть «настоящим». Что это такое, никто точно не знал, образ собирали из рассказов Булгакова, Веллера и преданий о лекарях древности. Это кто-то неопределенный в белых одеждах, очень серьезный. Человек, способный одним словом вылечить от запора, чесотки и собачей чумки. Все это и послужило толчком к решению отправить меня после интернатуры в районный центр города N врачом-неврологом.

Место сказочное: близость к областному центру, наличие памятников культурного на-

следия, а главное — потрясающая природа. Это стало причиной засилья дачников, курортников и туристов.

Но самое потрясающее в районном центре города N — местные жители. За несколько лет работы в поликлинике, стационаре, приемном отделении и на выездах удалось увидеть многое: и хорошее, и плохое, и смешное, и грустное, и трогательное, и страшное. Жизнь к подобному не готовила, а фундаментальное академическое образование в университете тем более.

Сейчас, возглавляя многопрофильный медицинский центр в столице, могу с уверенностью сказать: чудесное было время. Опыт, полученный на поприще районной больницы, бесценен.

*Все истории, рассказанные
ниже, не плод больной фантазии
автора. Они основаны на реальных
событиях и произошли в практике
современного земского врача.*

Вступление

Данная книга не преследует никаких научных целей и не несет глубоких практических знаний. Зато дает полное представление о том, что ждет молодого врача в глубинке, особенно если этот врач — невролог.

Хочу выразить глубокую благодарность и признательность моим руководителям, коллегам, наставникам, которые помогли мне не только состояться как врачу, но и адаптироваться в нелегких условиях районной больницы. А также любимым пациентам, без которых не было бы этой книги.

Драка

Самурай должен избегать большого количества сакэ, чрезмерной гордости и великой роскоши.

Ямамото Цунэтомо

В городских поликлиниках сейчас тепло, светло и неплохо пахнет. Но несколько лет назад понятия «цифровизация» или «электронная регистратура» были чем-то из Филипа Дика¹ и Ханну Раяниemi². А в городе N за такие слова могли одновременно предать анафеме и сжечь как еретика.

¹ Филип Киндред Дик — американский писатель, получивший известность как автор произведений в жанре научной фантастики. — *Прим. ред.*

² Ханну Раяниemi — финский писатель-фантаст и математик. — *Прим. ред.*

Драка

Главным человеком в поликлинике являлась сотрудница в регистратуре. Именно она решала, болит у тебя рука или нет; нужен тебе антибиотик или лист капусты, закрепленный на голове, снимет все проблемы; суждено тебе попасть к врачу или твоя очередь наступит через месяц. Она имела свое мнение абсолютно по каждому вопросу: какой врач лучше, в какой день по лунному календарю сажать морковь...

Знания ее были неисчерпаемы и синхронизированы лучше всякой электронной картотеки. Она точно помнила, у кого родился ребенок, кто женился, кому пора на диспансеризацию, а кому — на пенсию. Особенно среди работников больницы. По статусу она была даже выше фармацевта в аптеке: знаний столько же, а полномочий больше, чем у Минздрава. И только она могла регулировать потоки пациентов, выявляя и отсекая симулянтов и иногородних.

Самые большие очереди были к неврологу и офтальмологу. До сих пор не могу найти причин такой популярности офтальмолога, разве что жители города N — самые читающие в регионе. С неврологом проще: ко-

Ксения Толованова

гда знания терапевтов или их терпение (что чаще) заканчивалось, пациент направлялся к неврологу.

*Медицина сама по себе наука
темная и неточная, а неврология,
по мнению остальных специалистов,
вообще из мира потустороннего,
загадочного, сродни астрологии
и нумерологии.*

Желающих стать неврологами среди студентов медицинских вузов, как правило, единицы.

Поэтому каждое утро, пробираясь через забитый пациентами коридор к кабинету, я понимала: без работы никогда не останусь. Без сознания в конце дня — скорее всего, но без работы — никогда.

Попытки администрации изменить текущее положение вещей и упорядочить очередь достигли определенного результата. Порой пациенты заходили на прием с нарисован-

Драка

ным ручкой номером на руке. Сначала я думала, что это заметки для них самих, чтобы не забыть купить шестнадцать буханок хлеба или семь пачек молока. Однако на двадцать шестом пациенте и я сломалась.

Это оказался порядковый номер в очереди, а поскольку большая часть моих пациентов была в определенном преклонном возрасте и не сильно друг другу доверяла, требовались конкретные доказательства своей очередности к врачу. Этот номер на руке они предъявляли и, подслеповато щурясь, приподнимая очки, рассматривали на свету. Верить на слово в данном вопросе было бы опрометчиво.

То утро сразу не задалось. Я уже пробились к двери кабинета, как дорогу преградила женщина, закутанная в тряпки. Гардероб в поликлинике существовал и даже работал, но заставить бабушку расстаться со старой шинелью не мог никто — ни охранник, ни медсестра, ни отопление больницы вкупе со здравым смыслом. Торчал только кончик носа и левый глаз. Встав грудью на оборону двери и раскинув руки, она принялась кричать:

— Не пуцу!

Возможно, происходящее вокруг всколыхнуло в бабке генетическую память об обороне русских земель от печенегов, потом монголов и, наконец, фашистов. Это было завораживающе и страшно одновременно.

Попытки объяснить, что я врач и точно ей помогу, не увенчались успехом, а лишь придали бабке сил:

— Не пуцу! Я с пяти утра занимала!!!

С учетом расписания рейсовых автобусов из окрестных сел и деревень в районный центр, а также циркадных ритмов местных жителей, оснований не верить не было.

Но случилось чудо, которого уже не ждали: в толпе оказался мой бывший пациент. Он меня узнал, о чем громогласно заявил толпе. Это удалось не с первой попытки, поскольку на его стороне была молодость и громкий голос, а на стороне бабки — энтузиазм и опыт рыночных разборок. Наконец у него получилось влезть на железные сиденья около кабинета, перекричать толпу и неугомонную одноклассницу Крупской. Люди смогли оттащить бабку от двери, а я — начать прием.

Драка

Очередь двигалась медленно, толпа не уменьшалась, и в какой-то момент крики за дверью достигли апогея: послышался удар, и дверь пробил костыль. Костыль! Самый настоящий костыль торчал с обратной стороны хлипкой двери в кабинет. Новый, блестящий, видно, что недавно предоставленный соцзащитой, даже наклейка на обратной стороне не успела отвалиться. В этот момент наступила тишина, ревушая толпа замолчала, а пациент, который в этот момент сидел передо мной, хмыкнул и произнес:

— Доктор, забыл сказать, у меня еще иногда в ухе стучит. Вот как сейчас: тук-тук.

Первой мыслью было, что бабка перешла к активной фазе наступления и под шинелью скрывался современный ассасин.

*Разбираясь позже в случившемся,
могу с уверенностью сказать:
русские люди сильны духом в самых
сложных ситуациях и, применяя
подручные средства, могут сделать
невозможное.*

Как-то Архимед говорил: «Дайте мне рычаг, и я переверну Землю». Я же могу сказать: когда на одной территории сходятся инвалид на костылях и пенсионер с тростью, законы физики перестают существовать. Выясняя, кто быстрее должен попасть к врачу, чтобы подтвердить инвалидность на медико-социальной экспертизе и невозможность полноценно работать, они лишь подтвердили, что техники в районной больнице нуждаются в переподготовке. Только распилив полотно двери, удалось достать злосчастный костыль и вернуть его владельцу.

Прием был сорван, толпа бесновалась. Бабка воспользовалась ситуацией и прорвалась в кабинет, где оккупировала единственный свободный стул и разложила вокруг себя пакеты, сумки, узлы с вещами по классическим правилам организации фортификационных сооружений. Ей было все равно на происходящее, она, не поворачиваясь к толпе, принялась рассказывать медсестре, как страшно на улицах, вокруг криминал и бандитские разборки. На фоне происходящего в двух метрах от нас с бабкой согласилась даже я.

Драка

Пока вытаскивали костыль, пациент, опираясь на второй оставшийся, носился кругами, как акула, и угрожал технику карой небесной, если костыль сломается или поцарапается. Ведь дверь администрация сможет поменять, а новый костыль соцзащита уже не выдаст.

Стоит ли говорить, что документы на этого пациента для подтверждения группы инвалидности я заполнила в тот же день. Ноги у него как не было, так и нет. Люди зачастую не склонны к повышенной регенерации. Зато виртуозное владение костылем навело на мысли: «А тех ли людей мы держим в охроне?»

Из рассказанного дальше вы поймете, что эта мысль меня посещала еще не раз.